

М.Маланова

«...печали дар»

* * *

Поэты отличаются не только степенью одаренности, воспитанием, литературными вкусами, тем, что один любит смотреть на огонь, другой – бродить в полях с «Определителем трав», но и временем. Не тем, что живут в разные времена, а тем, что создают разное время. Хотя, по сути, это их сближает, потому что вполне возможно, что создание времени равно его искуплению. Время незаметно движется вместе с нами, пока не является тот, кто, давая себе в нем отчет, соглашается или не соглашается предстоять за него. Его для нас нет, пока оно не согрето сердцем, не освещено разумом того, кто, претерпевая его, как болезнь, как страсть, не свидетельствует о нем. Оттого так мучительна и светла жизнь Александра Блока, так настойчива осада времени Велимиром Хлебниковом. Оттого «Стихи о неизвестном солдате» и «Поэма воздуха» звучат так, будто написаны после нас. Многие стихи Ольги Седаковой – это стихи на конец времени. Но речь не об Апокалипсисе или вселенской катастрофе, не об избавлении от власти времени, а об его свершении, исполнении в течение одной человеческой жизни, как в «Путешествии»:

Когда кончится это несчастье
или счастье это отвернется,
отойдет, как высокие волны,

я пойду по знакомой дороге,
наконец-то, куда мне велели.

Буду тогда слушать, что услышу,
говорить, чтобы мне говорили:

– Вот, я ждал тебя – и дождался;
знал всегда – и теперь узнаю.
Разве я что забуду? –

Каждый хочет, чтоб его узнали:
птицы бы к нему слетались,
умершие вставали живыми
звери зверят приводили,

и медленно катилось время,
как молния в раннем детстве.

* * *

Со стороны кажется, что вера – это пункт назначения, некая тихая пристань, около которой рождаются счастливчики, или их прибывает к ней после долгих скитаний. Но это скорее – океан, чем пристань. Обстояния дано, но дальше дело за человеком с его свободной волей:

...Неужто и мы при потушенном свете
допишем историю смерти и плоти?
неужто и я читаю, как эти,
истлевшую книгу в сыром переплете?

Есть город враждебный внутри человека,
могучие стены, влюбленные в тень,
и там, поднимая последнее эхо,
болезненно живо открыто растение.

От этого ответ человека бывает разным:

...Много я прошу, но об одном
выслушай по милости огромной
и тогда разрушь меня как дом,
непригодный для души бездомной:

это будет то, что я хочу.
Остальное бедно и обидно.
И задуй мне душу, как свечу,
При которой темноты не видно.

...Поклянись на огне сострадания,
на позоре, пригубленном тут,
на чистой воде озаренья –
пусть меня ей тогда обнесут:
на земле, сытой ложью и пьяной,
в час ее надо мной торжества,

в тихом цирке Диоклетиана
не умру, но останусь жива.

...– Бедная, – говорю я в себе, – ты свое заслужила.
Ты масло с собой не взяла, ты терпенья в ум не вложила
и без факела выйдешь, без факела выйдешь – позор –

К Тому, кто не извещал ни о дне, ни о часе,
о том, что небо нуждается в верности,
светильник – в масле,
жажда – в плодах.
Остальное приходит, как вор. <...>

Можно продолжать цитировать и дальше, потому что, возможно, главная тема поэзии, о которой идет речь, если у поэзии вообще таковые бывают, – это человек перед лицом Бога. Ответы, как мы видели, разные, но сомнения в том, что их нужно давать, что они ожидаются, у автора нет:

Помню я раннее детство
и сон в золотой постели.

Кажется или правда? –
кто-то меня увидел,
быстро вошел из сада
и стоит, улыбаясь.

– Мир, – говорит, – пустыня.
Сердце человека – камень.
Любят люди, чего не знают.

Ты не забудь меня Ольга,
а я никого не забуду.

Потому правдиво звучит то, о чем мало кто решится что-либо сказать:

...Так зажигайся,
теплый светильник запада,
фонарь, капкан мотыльков.

Поговори еще
с нашим светом домашним,
солнце нежности и глубины,

солнце, покидающее землю,
первое последнее солнце.

...А вот – не видно ничего.
Но это лучшее, что видно.

Когда, как это не обидно,
и нас не станет –
очевидно,
мы будем около него. <...>

...Будут думать, что нас уже нет...
Тут-то мы им и скажем:
По воде невидимой и быстрой
уплывает сердце человека,
там летает ветхое время,
как голубь из Носва века.

* * *

По самому строю своих стихов Седакова тяготеет к поэтам, которых хочется назвать благоволящими, это – Пушкин, Мандельштам, Ахматова, Тарковский. Но что-то существенное отличает ее от них и роднит с Блоком. Может быть, говоря его словами «роковая о гибели весть». Это вовсе не значит, что вышеупомянутым авторам незнакомо ощущение гибели, а Блок и другие, не названные поэты, не благоволят, просто это первое, что приходит в голову, когда думаешь об их различиях. Ольга Седакова также продолжает блоковскую¹ традицию обращения к родине как к любимому существу, но слова уже совсем другие:

В духе Леопарди

O numi, o, numi!
All Italia

Ни мощный дух, ни изощренный разум,
Ни сердце, сокрушенное глубоко,
Ни женственное счастье вдохновенья
Не посетят тебя и не спасут.

¹ «Блоковскую» не потому что ее начал этот поэт, а потому что она у него наиболее выражена.

Ты спишь, как пьяный. Твой Савонорола
Не верил никогда. Дороже хворост
Свозить к костру, чем дать ему при спящих
Потосковать, поспорить, погрозить.

Твой Моцарт улыбается убийцам,
И не за деньги – а чтобы остаться
Среди живых, а там, когда-нибудь...

Двуручничают дети. Старики
сами с собой не смеют вспоминать
о том, что делали. Увы, во мне
растет твоя ленивая усмешка,
как опухоль, съедая ткань другую.
А твой Экклезиаст несет такое,
что бабы бы на кухне постыдились –
но стыд давно отсюда отлетел.
А милосердие твое? а кротость?
А многопетое твое смирение? –
кто сыт – тот прав.
Ну, что же ты молчишь?
Скажи мне что-нибудь.

Поэт принадлежит не только духовной родине, неподверженной порче и тлению, но и той, что занимает определенное место на географической карте. Когда читаешь «Старые песни», вспоминается русская фольклорная традиция, Пушкин с его сказками и «Песнями западных славян, ранняя православная архитектура. То, в чем национальный дух выразился ясно и свободно. Гражданская история – история насилия и неизбежной людской глупости. Искусство не вечно, но живет долго и сохраняет для нас образ человеческий.

* * *

Ольга Седакова к своему занятию относится просто. Она его любит.

...Страшно дело песнопенья,
но оно мне тихо служит
или я ему служу:
чудной мельнички
верчу золотую рукоятку –